

Лев Толстой и Антон Чехов

ПЕРВОЕ ЧТЕНИЕ «ДУШЕЧКИ» *)

НИКОГО из русских писателей так часто не читали вслух у Толстых, как Чехова. Случалось даже так, что в короткое время по ильскольк раз читали один и тот же его рассказ. Я как-то пришел в Москву к Толстым с помером «Семьи», в котором была напечатана «Душечка». За вечерним чаем заговорили о литературе. Я сказал о новом рассказе Чехова. Лев Николаевич живо заинтересовался и спросил меня, читал ли я новый рассказ и как нахожу его. Я сказал, что рассказ ничего себя и что если Л. Н. интересуется им, то у меня рассказ этот с собою.

— Новый рассказ Чехова! Хотите слушать? — как бы аннотировал Лев Николаевич.

Всё изъявили согласие.

С первых же строк чтения Л. Н. начал произносить отрывочные междометия одобрительного свойства. А затем не выдержал и во время чтения обратился ко мне с отрывком укоризны:

— Как же это вы сказали: «ничего себя»? Это перл, настоящий перл искусства, а не «ничего себя».

И послѣ чтения Л. Н. с одушевлением заговорил о «Душечке» и цитировал на память цѣлыя фразы.

— Как мѣтко и хорошо, — говорил он, — схвачен Чеховым язык телеграфиста! И эти «хохоропы»! И это истинное женское чувство, так сжато и так мастерски выражено: в «Душечке»! Превосходный рассказ. И как истинное художественное произведение, оно, оставаясь прекрасным, может производить различные эффекты.

Через нѣкоторое время к Толстым пришли свѣжіе гости. Л. Н. поздоровался и спросил:

— Читали новый рассказ Чехова

— «Душечку»? Нѣтъ? Хотите послушать?

И Л. Н. опять начал читать «Душечку».

Как-то во время прогулки в яснополянском паркѣ один из гостей Л. Н. заговорил о новом произведении писателя, котораго сравнивали с Чеховым. Лев Николаевич остановился и, заложив руку за пояс блузы, сказал в раздумьи:

— Не понимаю, почему его сравнивают с Чеховым. Чехов, по моему, несравнимый художник. И если уж кого напоминает, то Мопассана. Я недавно перечитывал почти всего Чехова. Есть мѣста неглубокія, нѣтъ, не глубокія, но все прелестно. И Чехова, как художника, нельзя даже сравнивать с прежними русскими писателями — с Тургеневым, с Достоевским или со мною. У Чехова своя особенная форма, как у импрессионистов. Смотришь, человек будто без всякаго разбора мажет красками, какія попадаютъ ему под руку, и никакого как будто отношенія эти мазки между собою не имѣют. Но отойдешь, посмотришь — и в общем получается удивительное впечатлѣніе. Перед вами яркая неотразимая картина. И вот наивѣрнѣйшій признак, что Чехов истинный художник: его можно перечитывать нѣсколько раз, кромѣ пьес, конечно, которыя совсѣм не его дѣло...

*) Текст получен от А. А. Оболенскаго, из семейнаго архива. «Написан, судя по почерку, — в заголовкѣ — П. И. Бирюковым».